

Жизнь, которую принцесса Чу спасла, пожертвовав собой ради князя Цзинчэна, звали Гу Хуань, а Гу Синьчи был её сводным братом. Вся семья Гу пострадала от несправедливости, и сестра с братом вместе скитались по свету, пока их не спасла бывшая хозяйка острова, госпожа Сяньюй. Вместе с Лэ Юй они росли как друзья детства. Позже, когда семья Гу была реабилитирована, Гу Хуань решила выйти замуж за наследного принца Чу в соответствии с давним брачным соглашением, а Гу Синьчи предпочёл остаться на острове Пэнлай.

Лэ Юй сказал Гу Хуань, что подарил ей гу долгой жизни, но на самом деле это была пара любовных гу. Женская гу была слабой и нежной, не способной на многое, а мужская гу обладала крепким панцирем и острыми шипами на голове, которые, когда гу становилась беспокойной, могли пронзить сердце хозяина. Две гу были глубоко привязаны друг к другу: пока мужская гу жива, женская гу не умрёт, а пока женская гу жива, её хозяин не погибнет легко.

Как и в случае с Гу Хуань, женскую гу можно было удалить, вырезав её. Но для Лэ Юй, который был хозяином мужской гу, это было невозможно, пока он не испустит последний вздох. Он был обречён на вечную борьбу с этой гу.

Полмесяца назад, в ту ночь, Лэ Юй почувствовал острую боль в сердце, охваченный ужасом и горем. Он решил, что с Гу Хуань что-то случилось. Он с трудом собрал всех историков и главных писцов, чтобы они изучили секретные архивы, и передал сообщение шпионам Чу на острове Пэнлай. Только тогда он понял, что мужская гу внезапно стала неистойвой из-за того, что женская гу сменила хозяина.

Он тайно подарил Гу Хуань женскую гу, и она стала её собственностью. Лэ Юй страдал от боли в сердце и головокружения, он был наполовину мёртв от гнева, но не мог никому пожаловаться. Это чувство было невыразимым.

На острове Пэнлай все боялись разговаривать с ним в лицо, опасаясь вызвать гнев молодого хозяина Лэ. За его спиной ходили слухи о старом любовном треугольнике, где двое мужчин боролись за одну женщину, и говорили, что Лэ Юй был обижен наследным принцем Чу, который отобрал у него возлюбленную, и поэтому он перенёс свой гнев на князя Цзинчэна, наблюдая за этим как за зрелищем. Линь Сюань знал, что история с гу была большим местом для Лэ Юй, и намеренно сказал:

— Я не смогу его уговорить. Может, вы попробуете, господин?

Гу Синьчи, позволяя ему быть дерзким, взял кисть и написал:

— Боюсь, что он, увидев меня, вспомнит о ней. Я не хочу нарываться на неприятности.

— Но так продолжаться не может, — Линь Сюань самопроизвольно засучил рукава, помогая ему растирать тушь, и прямо сказал:

— Молодой хозяин должен как-то разобраться с этим князем Цзинчэном. Я хотел вам сказать, что сегодня я обратил внимание на молодого хозяина, он становится всё более

раздражительным и не может сдерживать гу.

В последние дни слуги из Зала Цзинни часто прятались. Вероятно, после того как женская гу неожиданно сменила хозяина, Лэ Юй внешне казался обычным, продолжая заниматься фехтованием и каллиграфией, но сдерживать мужскую гу становилось всё труднее.

— Это даже хорошо, — сказал Гу Синьчи.

Увидев, что Линь Сюань не понимает, он добавил:

— Если он будет так продолжать, самое позднее завтра госпожа пришлёт письмо, чтобы отчитать сына.

Услышав о госпоже, Линь Сюань понял: пока она жива, даже если её нет на острове Пэнлай, Лэ Юй остаётся лишь молодым хозяином, а не настоящим хозяином острова.

Снаружи доносились голоса, кто-то тоже вспомнил о госпоже:

— ...На этот раз, когда князь Цзинчэн просил аудиенции у хозяина острова, мне вспомнилось, как госпожа покинула остров, но молодому хозяину сейчас гораздо легче, чем ей тогда. Госпоже было всего семнадцать лет, когда умерли её родители, и она приняла на себя обязанности хозяина острова. В южном Чу многие в мире боевых искусств хотели посмотреть на это зрелище...

Закончив, он вздохнул, должно быть, это был старший помощник Хань.

Другой помощник, Чэнь, поспешил добавить:

— Стыдно признаться, я пришёл позже и не имел чести лично видеть госпожу. Мы, жители острова Пэнлай, записываем события мира боевых искусств, но не можем записывать истории о своих. Мне пришлось перелистать несколько томов «Анналов боевых искусств», но я не уверен, насколько они точны.

Все засмеялись, и ещё один помощник, Го, улыбнулся:

— В целом, они, вероятно, точны. Госпожа тогда одна отправилась в Цзяннань, с мечом на лодке, плывущей по туманным водам. За месяц она трижды сразилась и трижды победила, убив трёх наёмных убийц. Треть из двадцати лучших мастеров меча в рейтинге острова Пэнлай сразу исчезли. Я помню, как в «Анналах боевых искусств» было написано стихотворение в её честь, оно было длинным, и, не боясь насмешек, скажу, что стихи были слишком льстивыми. Одна строка стала особенно известной, вы, наверное, слышали: «Лёгкие туфли выглядывают из-под чёрных носков, словно тело, парящее над волнами». Это действительно передаёт дух госпожи... В мире боевых искусств признано, что её мастерство владения мечом достигло совершенства, а мастерство молодого хозяина унаследовано от неё.

Госпожа Сяньюй, хотя и была женщиной, совершала поразительные поступки. Она была стройной и изящной, а её любимый меч назывался «Сяньсянь». Тридцать лет назад, когда она впервые испытала меч, её нежные руки и холодный блеск клинка заставили многих дрожать от страха. Меч «Сяньсянь» никогда не появлялся в рейтинге мечей, но она была единственной женщиной за последние сто лет, кто превзошёл этот рейтинг.

Линь Сюань слушал с лёгким восхищением, но Гу Синьчи думал о Лэ Юй и вспоминал: шокирующие поступки госпожи не ограничивались этим. Когда она покинула остров с мечом, вернулась уже беременной. Лэ Юй был ещё в пелёнках, когда она объявила всему миру, что разводится с мужем. Но никто в мире не знал, кого именно она развелась, даже сам Лэ Юй знал только свою мать, но не отца.

На следующее утро, когда небо едва светлело, слуги и служанки с зонтами вели его по дороге. Утренний туман был густым, висящим в лесу, создавая молочно-белую пелену. Пройдя немного по горной тропе, Гу Синьчи заметил, что его брови, ресницы и волосы стали влажными.

Резиденция хозяина острова Пэнлай называлась Залом Цзинни, но это было не конкретное место. Предок клана Лэ, первый хозяин острова Лэ Ююань, оставил свиток с надписью «Уничтожить китов и акул». Где бы этот свиток ни висел, там и был Зал Цзинни. Когда госпожа Сяньюй была здесь, её Зал Цзинни находился в самом сердце острова, где росли самые пышные цветы и деревья. Когда Лэ Юй унаследовал титул, он снял этот свиток и повесил его в деревянной башне в Саду Сосен и Камней, которая стала новым «Залом Цзинни».

Теперь вокруг этой новой залы росли высокие деревья, а дальше, по мере продвижения, появлялось всё больше огромных камней, горы сдвигались, высокие деревья расступались, и внезапно открывался просторный деревянный дом, словно парящий в воздухе, построенный на краю утёса. Одна сторона выходила на море, откуда можно было наблюдать за облаками и слушать приливы, а остальные три стороны смотрели на сад с грудями камней и древними соснами.

Зал Цзинни среди сосен и камней.

За садом был пруд, отделённый мостом, покрытым мхом. Гу Синьчи издали увидел Лэ Юй, тренирующегося с мечом в саду. Он был из тех, кто мог тренироваться где угодно, без особого усердия, но с лёгкостью. Гу Синьчи шагнул вперёд, приоткрыл грубую калитку, и лицо Лэ Юй стало ещё чётче. Черты лица были выразительными, губы от природы слегка насмешливыми. Высокий и стройный, он любил носить многослойную, свободную одежду.

Гу Синьчи никогда не видел человека, который выглядел бы так естественно в движении. Его тело под одеждой было сильным, а когда края одежды развевались, он выглядел невероятно грациозно, как журавль среди сосен. Увидев, что Гу Синьчи остановился у ворот, он улыбнулся, повернулся и направил свой трёхфутовый меч в его сторону.

Меч его матери назывался «Сяньсянь», а его меч — «Цици», широкий и длинный, названный в честь фразы «Великий человек, высокий и стройный». Когда он обнимал меч, это было похоже

на объятие полной и стройной красавицы. Лэ Юй с насмешливым выражением лица, а Гу Синьчи, не уклоняясь, улыбался в ответ. Острый клинок пронзил густой туман, блеск меча всё ещё ярко сиял, но, как и ожидалось, ни один волосок не пострадал. Холод остановился у кончика носа, звон лезвия раздался в ушах, долгий и чистый, заставив сосновые иглы упасть в сад. Лэ Юй развернул меч, держа его за рукоять, и остановился.

Они обменялись взглядами, и Лэ Юй, подняв руку, вложил меч в ножны, приказал дремлющему слуге на веранде:

— Поднеси чай.

Они вошли внутрь. Клан Лэ с острова Пэнлай владел золотыми горами, но хозяин острова не любил, когда вокруг него толпились слуги. Лэ Юй и Гу Синьчи сели друг напротив друга, а мальчик внизу ворчал, раздувая огонь, чтобы вскипятить воду. На столе лежали чернила, бумага, кисть и раскрытый веер, только что написанный. На нём была печать Лэ Юй «Гость Интая», которую он ставил только на свои лучшие работы.

Клан Лэ с острова Пэнлай славился как литературным, так и боевым мастерством, но Лэ Юй, занимаясь боевыми искусствами, не был грубым. Он любил изящные вещи, такие как каллиграфия, веера и печати, но не имел в себе духа конфуцианского учёного. Гу Синьчи взял веер и посмотрел на него. На нём было два стихотворения, написанных быстро, иероглифы были похожи на бурный поток, струящийся по кронам деревьев, или на водопад, ниспадающий с высоты. Он, обращая внимание на Лэ Юй, похвалил:

— Всё-таки, ты тренируешься с мечом, и твои иероглифы полны энергии, они необыкновенны.

Эта похвала обычно льстила Лэ Юй, ведь Гу Синьчи был известен своей честностью. Тридцать лет назад, когда дом Чжоу пришёл в упадок, и правители различных княжеств отказались подчиняться династии Чжоу, правитель Чу намеревался провозгласить себя императором. Только семья Гу осмелилась выступить против, написав «Меморандум против присвоения императорского титула», утверждая, что Чу произошёл от дома Чжоу, и правитель Чу был всего лишь слугой дома Чжоу, так как он может называть себя императором? Каждое слово попадало в больное место императора Чу, и этот меморандум стал известен по всему миру. Не прошло и нескольких лет, как семья Гу была обвинена в заговоре и пострадала, а брат и сестра Гу скитались по миру.

Семья Гу была готова говорить правду, даже если это грозило им катастрофой, поэтому слова Гу Синьчи казались особенно правдивыми. Каждый раз, когда он хотел убедить Лэ Юй что-то сделать, он находил способ похвалить его каллиграфию или живопись.

<http://bllate.org/book/15272/1348044>